

Сергей Сезин

**ЧЕРНЫЙ ПРИБОЙ
ОЗЕРЕЙКИ**

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

С28

Серия «Военная фантастика»

Выпуск 133

Оформление обложки *Владимира Гуркова*
Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону

С28 Сезин, Сергей Юрьевич

Черный прибор Озерейки: роман / Сергей Сезин. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2018. — 352 с. — (Военная фантастика).

ISBN 978-5-17-108338-0

«Со смертью мы поспорим, пускай умрут враги», — по такому принципу жила и воевала черноморская морская пехота, и ее не останавливали ни шторм, ни минные поля, ни пулеметы. Она остановилась только за Веной, когда враги перед ней кончились вместе с войной. Наш современник Андрей не мечтал о подвигах, прорывах и десантах. Но странный маневр судьбы привел его именно туда, в бригаду морской пехоты. Так что Андрею предстоит высадки в пасть врагу, прорыв по его тылам, штыковые атаки, штурм Новороссийска и Эльтигенский плацдарм.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-108338-0

© Сергей Сезин, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

Светлой памяти морских пехотинцев, павших в боях за мой родной город, посвящается.

Автор хотел бы также выразить свою искреннюю благодарность людям, помогавшим ему в написании книги своими советами и информацией. Особенно это касается новороссийских краеведов Нелли и Сергея Александровича Санеева.

Не все из помогавших захотели сообщить свои имена для выражения благодарности им, но их помощь не забыта.

Глава первая

Поезд «Москва – Новороссийск» стоял на станции Тоннельная, и меня уже охватывало нетерпение: когда же наконец он тронется? Да, я помнил, что стоянка десять минут, а потом мы тихо въедем в первый тоннель. Справа будет мокрый склон горы — видимо, там все время родники пробиваются сквозь земляную толщу, — а слева будет только бетон. Зажгут дежурное, или аварийное, освещение — не знаю, как правильно это назвать. За окном тоже будут гореть фонари в самом туннеле... Раньше я здесь начинал окончательные сборы, переодевался в парадное (ну, скажем так) из вагонного, складывал вещи в сумку или чемодан, выбрасывал остатки еды и прочий мусор. Но сегодня меня от нетерпения проняло аж в Крымске заняться этим, поэтому все уж было готово к Тоннельной. И даже раньше. Прямо подмывало поскорее собраться. А поскольку оба попутчика выходили в Тоннельной, то это было лишним стимулом.

Вагон опустел, и я прошелся по нему, борясь с нетерпением. Да, так и есть: люди остались

только в четырех купе. Ну да что еще ждать от сентября — народ схлынул к началу учебного года, теперь их будет куда меньше. Впрочем, я тут не был уже три года, вдруг что-то изменилось по сравнению с прежним временем. Ладно, у меня все равно вопрос с жильем решен, а вот с остальным — увидим. Я так хотел этого «увидим», что не мог сидеть в купе и все время вскакивал и ходил. Хотя мне дали только надежду на то, что все изменится, а вот сбудется ли эта надежда? Я три года надеялся и уже стал думать, что все осталось в прошлом, и вот теперь...

Давно не жил в Новороссийске, бывая там только в отпуске, особенно после того, как родители переехали к брату в Волгоград.

Вот четыре года назад я, приехав сюда, встретил на улице Ирину и влюбился в нее. Потом она приезжала ко мне в Брянск, мы переписывались, а потом — разрыв... Так что я сюда перестал ездить — было больно ходить по улицам, на которых я не встречу ее. Потом стало легче, а еще позже выяснилось, что Ирина теперь сожалеет о разрыве и готова все изменить в отношениях на то, что было прежде. Так что я еле дождался сентября, благо у нас на работе случился период «мертвого сезона» с новыми заказами.

Вроде уже пора трогаться, а мы все еще стоим и стоим. Нет, надо сесть и посидеть... Проводники обычно просят по вагону при прохождении тоннеля не бегать, а сидеть в своем купе. Поэтому я сел, насильно заставив себя. Нетерпение заставляло сердце рваться из груди, потому я и отвлекал

себя: вот сейчас тронемся, доедем до мокрого склона, потом будет темнота туннеля, потом выедем на свет. Справа вдали будет станица Раевская, а слева какие-то домики, в которых живет охрана туннеля, а шоссе на Новороссийск останется сверху. Потом мы проедем второй, меньший туннель, а сверху будет перевал Волчьих Ворота, а впереди...

...Зашипел воздух в тормозах. Сейчас, наверное, тронемся. Но мы не двигались и не двигались. Мне отчего-то захотелось спать, и я привалился к стенке купе. Вот не вовремя меня пробило: доуговаривался, досамоуспокаивался и досамозатормозился. Ну ладно, делать-то до вокзала все равно нечего, только переживать. А поезд будет тащиться, словно нарочно, медленно: то в Гайдудке тормознет, хотя в расписании там стоянки нет, то неспешно протащится вдоль гаражей за Кирилловской петлей, да и потом на Мефодиевке он не летит стрелой... Ну даже если засну, то разбудят. Дальше Новороссийска поезд все равно не идет. Как ни пытайся, но сильно за вокзал не продвинешься, не получится. Я попытался вспомнить, где кончаются железнодорожные пути — на Шесхарисе или раньше. Смог вспомнить только, что они есть у довоенного Дворца цементников, но вот дальше куда они уходят, память отказывалась сообщить. Пути явно куда-то сворачивали — наверное, на электростанцию.

Да, Дворец цементников, один из двух, которых нет, хотя они и есть оба. Не повезло с этим парадоксом комбинату «Новоросцемент». Первый из них построили до войны, и торжественное открытие

должно было быть в июне сорок первого — может, даже и двадцать второго июня, тут я точно не помню, — но началась война. Через год дворец оказался на линии фронта, который простоял там целый год. От него уцелели одни стены, и те не в комплексе. После войны решили оставить его как памятник обороны города. Развалины, наверное, даже укреплять пришлось, чтобы не упали. И без дворца цементники жили лет тридцать-сорок, но начали-таки снова строить, уже на другом берегу бухты, за городским пляжем. Возвели коробку, и тут всё затормозилось. В конце восьмидесятых много объектов так перешли из долгостроя в недострой, а с тех пор денег на его достройку не появилось. Так и украшают город руины двух дворцов культуры цементников с обеих сторон бухты. Новые, конечно, выглядят лучше, хотя я их уже давно не видел, вдруг и они уж завалились, ибо дожди шли, вода затекала, арматура десятилетиями ржавела... Спать хочется все сильнее. Поезд все никак не движется. Что же это меня в сон так клонит, мокрая гора так влияет, что ли? Никогда такого не было. Или я так изнервничался, что у меня все душевные силы вышли?

Перестал бороться с дремотой и прилег головой на желтую кожу чемодана. Стало как-то прохладно. Бывает такое, когда сложно задремать, но как согреешься, так и задремлешь... Перед отключением мне только подумалось: лишь бы не въехать в море во сне, а дальше — уже всё...

Увы, дурные мечты сбываются. Вот мечтаешь снова встретиться с Ириной и чтобы все снова ста-

ло как и прежде, так три года ждешь, но едва теплится, как церковная свеча, надежда... Да и того, когда другие мечты исполнятся, ты можешь не дожидаться... А тут вот пожалуйста, подумает почти в шутку, и сразу же получи и распишись! Подумал так и заснул, а проснулся мордою в море. Неужели, пока я спал, поезд проскочил стрелку, въехал в порт и с причала нырнул в пучину. И куда же я тогда выплыл? А в кучу водорослей, наполовину сухую, и теперь еще ленивая волна мне голову и плечи окатила. Полный рот горько-соленой воды, ибо я его только что разинул, а на радость мне волна и вкатилась в него. На карачках, отплевываясь и ругаясь, отполз назад, через полосу мокрой гальки, и оттого следующая волна меня не достала.

Тело себя чувствовало неудобно, как после дурного сна днем. Из-за того и днем спать не люблю — устанешь, ляжешь спать и часок подремлешь, а потом и не рад, что заснул. И голова болит, и мышцы какие-то как перемятые, и пить хочется, и прочие удовольствия. Но хоть и нет любви к дневному сну, иногда никуда от этого не денешься, особенно когда устанешь как собака. Так что и сейчас я чувствовал все сто процентов возможных гадостей от дневного сна. Сколько их бывает — так все сейчас есть, и ничто не забыто. И как я в это место попал, и где это я влез в воду? Ну, хоть морская, а не речная, как в Цемесе и Мысхако — тогда бы не только отплевывался, но и стираться пришлось, больно вода в этих речках мутная, а кое-где и зловонная, как

в киплинговской реке Лимпопо. В море все же вода почище, хотя можно и там себя порадовать и грязью, и мазутом, правда, мазут сейчас в море встречается пореже, чем в моем детстве. Но что-то гнетет мою душу, и пока я встаю с четверенек, как-то не так себя чувствую, и это не только оттого, что голова болит, а словно я стал сам по себе какой-то не такой и не так руками двигаю. И не зря это меня гнетет, ибо глянул я на свои руки и вижу, что они не те, что были у меня в Тоннельной и раньше. И на них не рукава рубашки, а какая-то знакомая одежда, только не моя, и не джинсы на мне, а солдатские галифе, какие я уже сто лет не носил. Ну, правда, сапоги можно считать что мои, хотя они должны остаться в кладовке дома, ибо в них только разное по хозяйству творю, особенно в мокрую погоду, а чтобы на юг взять в отпуск — до такого не додумался. И ремень с якорем на бляхе! У меня такого сроду не было, со звездой еще валяется где-то в чемодане, вместе с вещами, что уже не понадобятся, но выкинуть еще жалко. И сам я какой-то не такой. Пониже ростом, как мне кажется, но при этом покрепче, и такие накачанные руки у меня были только на службе, потом уже столько тяжелого таскать не приходилось. Поднял руки, лицо потрогал — вроде как бы такое же, в основном. Немного ободранное, и водоросли поприлипали, побритое, но щетина уже пробилась, как во второй половине дня, вот только куда делись усы? Стрижка, опять же, как в армии была. В иное время я так коротко не стригся, хоть битловской шевелюры даже в шко-

ле не носил. Мышцы болят, как будто я не с полки встал, а огород вскопал, но чего-то серьезно болезненного не ощущаю, есть не хочется хоть и... Стоп, а это я или не я? И если не я, то кто же? От этой мысли мне стало дурно, и я, отшатнувшись назад, сел на камни. Получилось очень чувствительно, ибо камни попались не мелкие.

Потер пострадавшее место и, преодолевая дурманящую слабость, продолжил исследовать то, что вокруг оказалось. Как выяснилось, сел я не на камень, а на винтовку, и рукоятка затвора мне оставила след на правом «полушарии». Ну, хоть не на штык, да еще и с размаху. Время сейчас, наверное, ближе к вечеру, но стемнеет явно не через пару минут. Пейзаж перед глазами и знакомый, и незнакомый: горы те самые, бухта та самая, но вот берег далеко не тот, и та часть города, что вижу отсюда, явно мне не известна. И что это все значит? Почему на мне какая-то старая одежда, причем форменная, и рядом старое оружие? Сейчас такие винтовки продаются как охотничье оружие, и я даже своему знакомому Владу помогал, рассказывая, как она устроена. Но даже с охотничьим оружием нельзя по городу бегать без чехла. Вроде место я примерно представляю: район кинотеатра «Нептун», но это я определил по противоположному берегу, а здешний берег и все, что на нем есть, не узнаю совершенно.

«И что все это значит?» — снова спросил я себя. Ответ пришел, только сознание его не выдержало и погасло. Без него я валялся вроде как

недолго, потому что еще не стемнело. Как только я оклемался и вспомнил свои открытия, так подхватился и побежал. Такого дикого страха я никогда не испытывал и даже описать не могу, что это был за страх. В книгах было выражение «животный страх», но я его всегда воспринимал как символическое, и термин сей авторы переписывают по привычке. Возможно, такой ужас был бы у меня, если бы я истово верил и обнаружил сейчас, что у меня за спиной стоят взаправдашные черти, которые вот-вот поволокут в адскую бездну. Но в этом безумном рывке была своя система и своя правда, потому что я смылся с голого пляжа и влетел в полуразбитый пустой дом, где затормозился и огляделся.

Никого вокруг. Вот и славно, сяду сейчас и до следующего приступа паники посижу и снова подумаю горькую думу: куда ты попал, бедный Робин Крузо, и чем это тебе грозит, горемычному? Особенно при условии, что я ни черта не слышу, уши как будто заклеены, причем каким-то хенкелевским клеем, то есть намертво. Голова болела, но работала, оттого выдала, что я явно не в своем теле, потому что на левой кисти обнаружилась татуировка якорь, которой у меня не было, зато родинка на другой куда-то делась. В конце концов я пришел к выводу, что нахожусь не только в не своем теле и не своем времени, а еще как бы и на войне. А вот какая война может быть вокруг? Форма явно разношерстная: галифе армейские, сапоги тоже, а вот форменка флотская. На голове убора нет. Какая-

то сборная солянка. А когда такое может быть? Либо это Гражданская война, где кто что нашел, то и носил, судя по кино, либо Отечественная, потому что на фото я видел морских пехотинцев, так вот и одетых: частично флотские вещи, частично армейские. Трехлинейка могла быть хоть там, хоть там. Я на нее глянул повнимательнее и получил следующую дозу убойной информации: винтовка, судя по прицелу и патроннику, советская, ну и брезентовая сумка, которую я тоже подхватил, даже не заметив, довольно знакомого мне вида: в армии она не совсем такая была, вот этого кармана сбоку не было, но фасон узнаваем. Наличие их в Гражданскую у меня вызывает сомнения. Какие-то там противогазы были, но сколько я ни глядел кино и фото про это время, там ни на ком противогаза не было видно.

Теперь я, кажется, знаю, где я и когда я. Осталось только очередной раз сознание не потерять. Это не вышло, но хоть не надолго отключался, ибо я очнулся от того, что уронил винтовку себе на ноги. Входя в меридиан, я обнаружил, что еще и обоняние у меня не работает. Вот тут рядом опрокинута кастрюлька с каким-то супчиком, но запаха я не чувствую. Да и ведь не только супчик, вообще ничего не чувствую носом! Зрение, слава небесам, еще есть, и даже практически прежнее, ибо в окошко видна та сторона бухты и города. Трубу цементных заводов на том берегу я различаю, хоть они все же не такие, как мне знакомы. Дальше заглянуть мешает рама.